

Богатыри времен великого князя Владимира по русским песням

Аксаков К. С., Аксаков И. С. Литературная критика / Сост., вступит, статья и коммент. А. С. Курилова. – М.: Современник, 1981. (Б-ка "Любителям российской словесности").

OCR Бычков М.Н. mailto:bmnn@lib.ru

{* После того, как была написана эта статья о богатырях великого князя Владимира, появилось в печати много песен, относящихся к этой же эпохе и к тем же лицам, песен, помещенных большею частью в "Известиях Академии" {1}. Песни эти в высшей степени важны и занимательны; они содержат много новых подробностей о богатырях, известных уже, и дают сведения о некоторых новых. С удовольствием можем мы сказать, что очерки богатырей, сделанные нами в нашей статье, подтверждаются и дополняются вновь напечатанными песнями. Но количество этих песен и самая важность их содержания не позволяют нам делать краткие на них указания. Вместо того, мы надеемся, выждав, пока появится еще больше песен, написать об них целую особую дополнительную статью, где постараемся отдать полный отчет о их достоинстве и содержании.

Цель этой статьи не есть исследование или рассуждение о богатырях, а только изложение, возможно полное и стройное, богатырских песен а характеристика богатырей.}

"...Се же паки творяще людям своим по вся недели; устави на дворе в гриднице пир творити и приходити болярам и гридем и съзьским и десятицкым и нарочитым мужем, при князе и без князя: бываше множество от мяса и от скота и от зверины, баше по изобилию от всего" {Летопись Нестора {2}.}

Так говорит летопись о великом князе Владимире. Эта приветливая, пиршественная сторона его жизни перешла в народные песни. Владимир удержался в памяти народной, как радушный, ласковый хозяин, к которому всё собиралось на пир, не только из Киева, но и со всех сторон русской земли. Владимир созывал "старейшины по всем градом и люди многы" {}, говорится в другом месте летописи, и отовсюду ехали к нему гости. – Нераздельно с его пирами соединено сказание о славных богатырях, о могучих гостях Владимира, сказание, удержанное народом и сохраненное им в полнейшем и подробнейшем виде, чем в летописи; летопись упоминает только об Александре Поповиче, Рахдае, о разбойнике Могуте, об Яне Усмошвеце. Но песни говорят о многих других. – Итак, великий князь Владимир, добрый и ласковый, гостеприимный и пирующий, постоянно окруженный гостями и богатырями, пришедшими со всех сторон русской земли, соединяющий всех их около себя и всех радующий приветом и празднеством, – живо остался в памяти и песнях народных с постоянным эпитетом своим "красное солнце", эпитетом, в котором выражается благотворное и вместе всерусское значение великого князя Владимира. В самом деле, с мыслью о нем соединена мысль о все собирающем вокруг себя и во все стороны простирающемся жизненном начале, о том истинном начале жизни, которое даруется православною христианскою верою.

Обратимся теперь к самим песням; скажем наперед, что здесь дело будет идти не об историческом, а о сказочном и песенном Владимире и вообще о целом сказочном мире той эпохи. Но этот сказочный мир также очень важен и состоит в неслучайной связи и с историческим, он показывает, как взглянул на человека или дело народ, что поразило народную память и воображение.

Предания о богатырях и времени Владимировой находятся в песнях и сказках, отчасти изданных, отчасти записанных, а отчасти живущих только в устах народа. Из всех изданных сборников русских песен самый замечательный – это сборник, означенный именем Кириши Данилова {4}, которое мы за ним и удержим. Он служит главным источником всех сведений наших по части песен о богатырях и времени Владимировой.

Общая поэтическая словесная форма этих сказаний о богатырях есть песня. Но русская наша песня – такая стихотворная форма, которую сами мы еще недовольно себе объяснили. Наша русская песня (т<о> е<сть> народная) не есть определенное стихотворение и не имеет определенного метра, отделяющего ее от прозы. Между русскою прозою и русским стихом нет ярко проведенного рубежа, как то встречается у других народов. Отдельной, заранее готовой стихотворной формы, в которую можно было бы отливать слова, – нет у нас. Слово само должно отделяться от обыденной речи непоэтической, называемой прозою, и давать себе прямую гармоническую форму, доходить до стиха; так что процесс